

ВОРОБЫШЕК

ЭДИТ ПИАФ, САМАЯ ВЕЛИКАЯ И САМАЯ РАНИМАЯ ПЕВИЦА ФРАНЦИИ, РОДИЛАСЬ НА УЛИЦЕ И УМЕРЛА В СТРАДАНИЯХ

■ Эра ВОДОЛЕЕВА

На улице

Жизнь не баловала Эдит Гасьон (таково ее настоящее имя) с самого рождения. Девочка появилась на свет в декабре 1915 года прямо на улице: муж не успел доставить беременную супругу в роддом, и роды принимали два полицейских.

Свою мать, певичку кабаре, Эдит не помнила. Отца вскоре после рождения девочки забрали на фронт, а молодая мамаша уже через месяц потеряла к ребенку всякий интерес и сбавила малышку своим родителям-алкоголикам. Те ребенка любили, но воспитывали весьма своеобразно. В самый разгар войны, когда шла борьба с микробами, считалось, что спиртное убивает любую заразу. Поэтому семейство пило только вино. Для младенца, правда, делалось исключение: его порцию вина разбавляли молоком или водой.

К двум годам девочка совсем одичала. Отец, вернувшийся с войны, застал ее в ужасном состоянии. Малютка была практически слепа — как выяснилось, никто этого даже не заметил. Он забрал дочку у тещи и отправил в провинцию, к своей матери — кухарке в публичном доме. Там Эдит наконец получила и полноценное питание, и красивые платья. Девочки души не чаяли в ребенке и баловали как могли. К Эдит вернулось зрение.

Но когда девочка пошла в школу, местный кюре по просьбе родителей других детей, которые были категорически против девочки из позорной среды, попросил увести невинное дитя из дома разврата. Эдит довелось прочесть лишь год.

Отец, уличный акробат, взял дочь к себе в партнерши. Поначалу она собирала деньги с публики, а затем стала петь. Отец заметил, что глотка у дочери «луговая» — публике нравилось ее пение. Дочь пела громко и с чувством, будь то «Марсельеза» или слезливая песенка о соблазненной девушке.

В 14 лет Эдит могла зарабатывать самостоятельно и ушла от отца. В 17 лет будущая звезда родила дочь — своего единственного ребенка. Врач вообще удивился, как ей удалось родить: сама еще девочка, нездоровая, худая, тщедушная. Эдит оказалась не лучшей матерью, чем ее собственная. Будучи беременной, она продолжала выступать на холодных мостовых, а потом таскала ребенка везде с собой. В итоге малышка заболела менингитом и умерла.

Папаша Лепле

Человека, который вывел Эдит на большую сцену, она встретила там же, на улице. Луи Лепле, владелец модного парижского кабаре «Жернис», угадал в уличной девчонке самобытный талант. Он пригласил ее выступать к себе, он же придумал хрупкой Эдит

псевдоним — Малютка Пиаф. «Пиаф» по-французски означает «воробышек».

Воробышек полюбился зрителям сразу: сильный, страстный голос, поющий о любви, притягивал, завораживал, заставлял слушать и поражал воображение — тем более что этот потрясающий голос совершенно не вязался в восприятии с маленькой фигуркой в черном, неподвижно стоящей на сцене.

Популярность Эдит росла с каждым днем, складывался ее собственный репертуар и стиль. За выступление молодая певица получала 50 франков — неслыханные для нее деньги.

Гром грянул среди ясного неба: «папаша Лепле» был убит выстрелом в голову. Среди подозреваемых оказалась и его подопечная: дескать, она была заинтересована в смерти, поскольку Луи завещал ей небольшую сумму. Нередко после выступления в каком-нибудь маленьком кинотеатре из зала слышались выкрики: «Убийца!»

Рождение великой Пиаф

Эдит была на грани. Не известно, чем бы все закончилось, если бы не поэт Реймон Ассо, с которым она когда-то случайно познакомилась в «Жернисе». Реймон потребовал от «воробышка» приехать прямо к нему и сказал ей: «Я знаю эту профессию и помогу тебе. Но ты будешь делать то, что я тебе скажу. Парни, загулы — с этим должно быть покончено».

Реймон принялся лепить новый образ Эдит, как Пигмалион Галатею. Одновременно Реймон писал для Эдит ее репертуар. Они вместе обсуждали все ее новые песни и репетировали. Он же нашел для Пиаф прекрасного композитора — Маргерит Моно.

В крупнейшем концертном зале Парижа ABC Эдит впервые выступила не как Малютка Пиаф, а как Эдит Пиаф. Огромный зал ревел от восторга, публика не желала отпустить Эдит. На следующий день пресса, захлебываясь от восторга, писала: «Вчера на сцене ABC родилась великая певица Франции»... О деле Лепле никто не вспоминал.

Дела Эдит резко пошли в гору. Ею заинтересовались американские импресарио и предложили турне по городам США. Эдит Пиаф становилась звездой мировой величины. Теперь она могла позволить себе собственный дом в центре Парижа, отделкой которого занимались лучшие французские дизайнеры. Но в чем-то Воробышек, несмотря на старания Ассо, остался прежним. Эдит так и не научилась считать деньги и понятия не имела о сумме своего состояния.

Любовь

В личной жизни певица счастлива не была. Окруженная поклонниками, она бросалась от одного избранника к другому, но найти «единственного» так и не

Возвращение Москва - 2003 - сентябрь - с. 5.

Эдит Пиаф, легенда XX века прожила всего 48 лет. Ее похоронили на кладбище Пер-Лашез — сорок тысяч французов пришли попрощаться со своим кумиром.

смогла. Ее любовниками чаще всего становились люди того круга, из которого она вышла: легионеры, начинающие актеры, спортсмены. Бывших возлюбленных Эдит оставляла без всякого сожаления. О новом увлечении Пиаф становилось известно сразу: она принималась вязать изобранный фиолетовый свитер, утверждала, что у возлюбленного голубые глаза, хотя на самом деле они могли быть карими или зелеными. А когда возлюбленный надоедал, Эдит выгоняла его и переставляла мебель — чтобы ничто не напоминало о прежней жизни.

Пожалуй, единственным мужчиной, которого звезда не смогла оставить сама, был боксер Марсель Сердан. С ним певица познакомилась после войны. Они прятали свою страсть только в Париже, где у Марселя была жена и трое детей. Он ездил с Пиаф повсюду.

Марсель считал, что в таланте «воробышка» есть что-то сверхъестественное: «Эдит, ведь ты всего треть от моего веса, я дуну на тебя, и ты рассыплешься! Но какой у тебя голос! В голове не укладывается!» Рядом с «великой Пиаф» боксер казался сам себе неотесанным мужланом, робел, смотрел на певицу с нескрываемым обожанием и выполнял любую ее прихоть. Он был первым мужчиной, который стал тратить на нее деньги. Это он купил Эдит ее первое норковое манто. Она могла купить таких десятков, но не в этом было дело. В ответ она задаривала Марселя бриллиантовыми запонками, костюмами и обувью из крокодиловой кожи.

Во время очередного турне по Америке Эдит с нетерпением ждала приезда Сердана. Он должен был приехать через неделю,

но Пиаф позвонила во Францию и прокричала в трубку: «Марсель, ради бога, скорей приезжай. Пароходом, самолетом — как хочешь! Я не могу без тебя!» Сердан вылетел тут же и... его самолет разбился. Марсель оказался среди погибших пассажиров.

«Мне хочется кричать от боли»

Впервые в жизни Пиаф не хотела петь. Она не смогла выйти на сцену ни на следующий день, ни днем позже, ни в два других вечера, последовавших за ее обмороком в «Версале». Горе усугублялось чувством вины: певица чувствовала себя виноватой в смерти Марселя. Она почти перестала есть, зато много пила. Ночами звезда шаталась с друзьями по ресторанам и кабакам — за ночь они могли обойти до семи заведений и везде выпить по несколько рюмок. Домой Воробышка вели уже под руки. Она выходила на улицу неузнанной, в старом тряпье и пела прохожим, радуясь, что ее не узнают, а возвращалась домой почти ползком, приводя с собой мужчин, имена которых под утро уже не помнила.

«Я не драматизирую, — писала в одном из писем к друзьям Пиаф. — Я не могу жить без него... Я страдаю всем телом, всей душой, мне хочется кричать, биться головой, чтобы приглушить эту душевную боль». «Для меня любовь — это он, и ничто больше в жизни не может сравниться с этим».

Эдит вернулась во Францию сильно изменившейся. «Она оставила там свой смех и свое счастье, свою радость жить и быть великой артисткой, свое кокетство, яркий цвет своих губ, пронзи-

тельный взгляд своих глаз. Она оставила там свою надежду и море пролитых слез, чтобы возвратиться к нам бледной, поху-дшей, скорбной, бесконечно грустной и отчаявшейся», — писала одна из газет. А несчастья продолжались. После того как Эдит почти удалось заставить себя выйти на сцену и подписать контракт на гастроли по Европе, она попала в страшную авткатастрофу. Пиаф доставили в больницу, сделали операцию. Кроме того, проявились первые признаки суставного ревматизма. Эта болезнь досталась певице по наследству, но до сих пор дремала и проснулась, по словам врачей, в силу реакции организма на страшное потрясение.

В качестве болеутоляющего доктор прописал самое сильное по тем временам средство — морфий, даже не попытавшись соблюсти правила предписания медицинских препаратов, которые запрещают использование одних и тех же сильнодействующих лекарств. И конечно, воздействие морфия сказалось незамедлительно: Эдит пристрастилась к наркоту. Потом ей не раз приходилось ложиться в клинику, чтобы вылечиться от наркозависимости. Возвращаясь с курса лечения домой, она вновь начинала колотиться, потом снова попадала в больницу. Не выдержав, бежала оттуда, потом возвращалась опять... Страсть к наркоту в конце концов подавить удалось, а вот депрессию и алкоголизм — нет.

Бег на месте

Несмотря ни на что, певица продолжала работать. Периоды спада сменялись периодами активности. За это время Пиаф ус-

певала не только выступить с лучшими своими песнями, но и помочь «подняться» будущим звездам французской эстрады: Шарлю Азнавур, Иву Монтану, Эдди Константену... Как ни странно, трагический период жизни после смерти Сердана был необычайно успешен для нее как для певицы. Дело в том, что только сцена помогала хоть ненадолго убежать от страданий. Реальность стала для Эдит невыносимой. «Я живу только на сцене, — говорила она. — Я всегда буду петь, а в тот день, когда перестану, — умру».

Публика боготворила своего кумира. Воробышку прощали все: срывающийся голос, безвкусный облик, нетрезвую походку. Титул первой певицы Франции оказался прочнее, чем она сама.

Здоровье расшатывалось очень быстро. Вскоре певица практически не выходила из больниц. После смерти Сердана звезда пережила четыре курса дезинтоксикации (лечение алкоголизма и наркомании), три гепатические комы, два приступа белой горячки, семь операций и две бронхопневмонии. Были и попытки самоубийства. А потом врачи поставили диагноз: рак.

Руки больной певицы сковал артрит, она еле передвигалась и не могла расстаться с алкоголем. Ноги высохли, колени распухли. Она весила теперь всего 33 килограмма. Она почти облысела, лицо вздулось. Она не вылезала из старого голубого халата. В сорок семь когда-то красивая женщина выглядела на шестьдесят.

Последняя песня

Такой ее увидел парикмахер Тео Сарапо, который был чуть ли не вдвое моложе нее.

Молодой человек появился в жизни звезды, когда она в очередной раз лежала в больнице. Тео приносил цветы и трогательные подарки. Через неделю их знакомства он сделал Эдит предложение.

Певица пребывала в состоянии удивленно-окрыленном. Позже она признавалась: «По-настоящему я любила только Марселя Сердана. И всю свою жизнь ждала только Тео Сарапо».

25 сентября 1962 года Эдит пела с высоты Эйфелевой башни по случаю премьеры фильма «Самый длинный день» песни «Нет, я ни о чем не жалею», «Толпа», «Милорд», «Ты не слышишь», «Право любить». Ее слушал весь Париж.

Свадьба состоялась 9 октября 1962 года. Молодожены венчались в православной церкви, к которой принадлежал Тео. Эдит казалось, что она вошла в форму. В марте она дала большой концерт. Зал «Олимпия» устроил пятиминутную овацию, скандируя стоя: «Гип-гип-ура, Эдит!»

Этот концерт стал последним. Только Тео знал о приговоре: максимум год.

В апреле певицу вновь положили в больницу с диагнозом «отек легкого». Болезнь отяжелела двухнедельным приступом безумия, во время которого она не узнавала Тео. Тот же не отходил от жены круглые сутки. Из больницы он увез Эдит в инвалидном кресле. Они поселились в загородном доме, где Тео взвалил на свои плечи весь труд по уходу за женой.

Осенью 1963 года Эдит Пиаф скончалась. В день похорон Марсель Блистен написал об Эдит Пиаф: «Она пела как никто, она жила как никто; она была необыкновенно талантлива и чрезвычайно ранима...»

Перед смертью певица взяла клятву со своего мужа не летать самолетами: кошмар гибели Марселя не оставлял ее. По злой иронии судьбы, Тео Сарапо погиб в авткатастрофе спустя всего семь лет после смерти своей знаменитой супруги. Его похоронили в той же могиле, что и Эдит Пиаф, на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Единственным мужчиной, которого звезда не смогла оставить сама, был боксер Марсель Сердан